

Maria Shapor

Russian Academy of National Economy and Public Administration

under the President of the Russian Federation

Institutional foundations and peculiarities of the classification of income inequality in countries with a raw material oriented economy

(Институциональные основы и особенности классификации неравенства доходов стран с сырьевой ориентированностью экономики)

Введение

В рамках представленного обзора литературы, включающего в себя четыре раздела и представляющего собой серию работ рассмотрен зарубежный и российский опыт исследования различных аспектов неравенства. Структура представленный обзора литературы включает в себя следующие составные части:

1. Институциональные основы неравенства доходов стран с сырьевой зависимостью.
2. Неравенство и экономический рост в странах с высокой зависимостью от экспорта нефти
3. Современные тенденции и проблемы неравенства уровня доходов в условиях открытой экономики
4. Последствия экономического неравенства стран, зависимых от экспорта нефти

В данной работе рассмотрены подходы к моделированию взаимосвязи различных видов неравенства, главным образом, связанных с неравенством уровня дохода для стран с высокой зависимостью от экспорта нефти. Необходимость такого анализа для стран–экспортеров энергоносителей объясняется высокой степенью неравенства распределения доходов населения страны, которая приводит к нарушению макроэкономической стабильности страны, что впоследствии оказывает негативное влияние на динамику доходов населения страны и может привести к сокращению, а в некоторых случаях и исчезновению среднего класса, призванного составлять основную часть экономически активного населения страны. Соответственно, целью представленного исследования является анализ подходов, применяемых для оценки зависимости взаимосвязи качества институционального развития стран–экспортеров нефти и уровня неравенства в стране, неравенства и экономического роста в странах с высокой зависимостью от экспорта нефти, а также подходов к проведению количественной оценки современных тенденций, проблем и последствий неравенства для стран–экспортеров углеводородных энергоносителей.

В качестве вводной части данного раздела представленного обзора литературы рассмотрен доклад, опубликованный по результатам конференции, проведенной Международной организацией труда в 2019 году, связанной с проблемой различных видов неравенства, в том числе, неравенства на рынке труда [1]. В последние десятилетия серьезной проблемой стало растущее неравенство во многих странах. Катастрофические социальные и экономические последствия пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) с начала 2020 года усилили эту озабоченность и подчеркнули необходимость безотлагательных действий.

Таким образом, задачи сокращения неравенства, содействия устойчивому развитию и инклюзивному экономическому росту приобретают все большую значимость на международном уровне. Подтверждением этому является публикация материалов по данной проблематике в Объединенной Повестке ООН по устойчивому развитию на период до 2030 года. Кроме того, в представленном документе содержится призыв к инклюзивному и устойчивому экономическому росту, полной и продуктивной занятости и достойной работе для всех; провозглашается гендерное равенство, а также разработка справедливой налогово-бюджетной политики, политики в области заработной платы и социальной защиты.

В работе [1] также отмечено, что в течение десятилетий, предшествовавших пандемии, различные формы неравенства, включая вертикальное неравенство между богатыми и бедными и горизонтальное неравенство между различными общественными группами, увеличивалось или оставалось неизменно высоким, но никогда не снижалось. Из видов неравенства особое место здесь занимает гендерное неравенство в оплате труда и сфере занятости, то есть невозможности занимать ту или иную должность. В работе отмечено, что его сокращение наблюдалось до пандемии COVID-19. При этом внезапный кризис, обусловленный пандемией, значительно усугубил существовавшие ранее проблемы неравенства. Так, анализ данных Всемирного банка показывает, что женщины особенно страдают от неравенства в регионах Южной и Восточной Азии, а также в странах Тихоокеанского региона, что отражает неравный доступ к качественному образованию, неравенство и несправедливость на рынке труда, а также гендерный разрыв в доходах этих регионов, что вызывает определенные трудности не только с точки зрения социальной справедливости для женщин, но и потому, что бедность среди женщин с большей вероятностью подвергает детей серьезным проблемам со здоровьем и лишению пищи. Индекс гендерных социальных норм ПРООН предполагает, что большинство женщин в большинстве стран мира по-прежнему страдают в результате дискриминации, а также в связи со сложившимся традиционным укладом, согласно которому имеют место

убеждения, что университет важнее для мужчины, чем для женщины, и что мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины, что также приводит к значительному гендерному неравенству в контроле над активами, такими как капитал или земля, в связи с чем женщины не в достаточной степени представлены среди самых богатых людей мира.

В настоящее время особое место в исследованиях занимает вертикальное неравенство, при котором 1% или 10% самых обеспеченных лиц владеет определенной долей совокупного национального богатства страны. Существует также большое количество литературы, в которой основное внимание уделяется тому, в какой степени люди, живущие в относительной бедности, смогли догнать или, напротив, отстать от среднего класса в своих странах. Горизонтальное неравенство возникает, когда некоторые группы населения оказываются в невыгодном положении и подвергаются дискриминации на основе их видимой идентичности, например, их пола, цвета кожи или убеждений. Отметим, что в последнее время внимание общественности все больше приковано к расовому или этническому неравенству, а также к разногласиям между мигрантами и гражданами страны. В свою очередь, пространственное неравенство между сельскими и городскими районами, а в последнее время и между мегаполисами и остальными городами также является предметом современных исследований.

Однако важнейшим видом неравенства остается неравенство доходов домохозяйств, которое отражает многие другие коррелирующие или лежащие в его основе формы неравенства. Отметим, что неравенство доходов стало центральным вопросом политических дискуссий последних лет. При этом оно тесно связано с другими формами неравенства – неравенством возможностей или неравенством доступа к услугам здравоохранения или образования. Таким образом, неравенство по доходу является своего рода призмой, отражающей другие формы неравенства, в том числе наблюдаемые на рынке труда. Уровни неравенства доходов внутри стран значительно различаются и являются самыми высокими в некоторых развивающихся странах.

Неравенство по уровню дохода часто измеряется с помощью так называемого коэффициента Джини, который колеблется от 0 в совершенно равноправном обществе, в котором все имеют одинаковый доход, до 100 в том случае, когда один человек обладает всеми благами. На практике коэффициент Джини, включающий в себя располагаемые доходы домохозяйств, колеблется от менее 25 в странах с самым низким уровнем неравенства до более 60 в странах с самым высоким уровнем неравенства. Кроме того, коэффициент Джини имеет тенденцию достигать более высоких значений, а также демонстрирует большую изменчивость в более бедных странах. Например, ни в одной стране с высоким уровнем дохода коэффициент Джини не превышает 40, в то время как

этот уровень превышен во многих развивающихся странах. В странах с высоким уровнем дохода средний коэффициент Джини составляет около 32, в то время как в странах с низким и средним уровнем дохода его значение колеблется около 40.

Кроме того, существуют пределы, позволяющие определить, в какой степени перераспределение доходов может препятствовать росту неравенства. Однако в современном мире существует тенденция роста неравенства доходов, что связано с возникновением следующих проблем:

Во-первых, во многих развивающихся странах возможности перераспределения средств за счет налогов и трансфертов относительно ограничены, что обусловлено ограниченностью фискальных ресурсов в связи ростом доли теневого сектора экономики.

Во-вторых, во многих странах, в том числе имеющих развитую налоговую систему, неравенство уровня доходов возрастает, а возможности их перераспределения за счет налогов и трансфертов сокращаются.

В целом стоит отметить, что изменения на рынке труда, именно его трансформация, играет ключевую роль в возникновении неравенства. Во всем мире доходы, доступные после перераспределения через налоги, трансферты и государственные социальные услуги характеризуются сохраняющимся неравенством, с которым можно бороться только путем решения проблемы первичного распределения доходов в связи с тем, что любая форма занятости (самозанятые или работники частных и/или государственных компаний) являются значимым инструментом сокращения неравенства доходов внутри одной страны. Отдельно следует отметить возникающие эффекты горизонтального неравенства, связанные с тем, что внутри одной страны определенные группы людей имеют значительно более низкие трудовые доходы по сравнению с другими, что относится к определенным расовым или этническим группам, которые вынуждены страдать от разницы в заработной плате по сравнению с другими работниками, занимающих аналогичную должность, что и является классическим примером дискриминации на рынке труда.

Таким образом, на основе материалов представленного исследования были получены следующие результаты:

1. Рассчитано, что в период за 2000–2015 годы, стихийные бедствия, вызванные или даже, скорее, усугубленные антропогенным фактором, привели к существенному снижению периода трудоспособности, эквивалентного 0,8% годового рабочего времени, а также существенному снижению как доходов страны в целом, так и наибольшим снижением доходов на душу населения, в частности.

2. Рассмотрено районирование распределения коренных жителей и мигрантов по уровню дохода. Представленный анализ позволил выявить, что некоторые группы

населения, например, этнические или расовые группы, коренные малочисленные народы и народы, ведущие племенной образ жизни, а также мигранты получили наибольшее распространение среди домохозяйств с низкими доходами и одновременно лиц, в наибольшей степени страдающих от неравенства. Так, например, в 2015 году в Южной Африке 40% неравенства доходов было объяснено расовой принадлежностью. В свою очередь, в Бразилии наиболее низкими являются доходы белых мужчин, а самыми высокими – афро-бразильских женщин. Также отмечается, что в Европе лица из стран, не входящих в ЕС, сталкиваются с риском бедности, который в несколько раз выше, чем для граждан ЕС, что объясняется значительно более низкими доходами по сравнению с гражданами стран ЕС. В свою очередь, в Соединенных Штатах значения показателя расового разрыва в заработной плате между черными и латиноамериканскими рабочими не улучшились за период с 1980 по 2015 год 27 и 29% соответственно.

3. Отмечается, что пространственное неравенство, которое, как правило, приводит к миграции, характеризуется разрывом в уровне заработной платы в сельской местности, составляя в среднем 32% в Объединенной Республике Танзания и 60% – в Уганде. В свою очередь, в Индии за 2011–2012 годы было выявлено, что дневная заработная плата в городских районах была более чем в два раза выше, чем в сельской местности. При этом 88% составили трудящиеся-мигранты, которым также часто недоплачивают по сравнению с гражданами, имеющим схожие характеристики и занимающих аналогичные должности. Также выявлено, что в странах с высоким уровнем доходов средний разрыв в оплате труда мигрантов составляет 12,6%.

1. Современные подходы к проведению количественной оценки взаимосвязи неравенства по доходу и экономического роста

Открывает представленный обзор литературы работа [2], ставшая классической и заложившей основы проведения количественной оценки взаимосвязи экономического роста страны и неравенства доходов в ней. Центральным моментом представленного исследования являются характер и причины долгосрочных изменений распределения личных доходов граждан США, Германии и Великобритании за период с конца XIX века для Германии и с 1913 года для остальных исследуемых стран до начала 50-х годов XX века. Для определения характера и причин обозначенных изменений автор представленной работы предлагает рассмотреть, увеличивается или уменьшается неравенство в распределении доходов при экономическом росте страны, а также выявить факторы, определяющие уровень и тенденции неравенства доходов.

Для проведения корректного исследования в работе вводятся следующие допущения:

Во-первых, для оценки неравенства уровня доходов совокупные денежные поступления исследуемых групп лиц должны быть выражены в одних единицах и представлены в расчете на душу населения в разрезе отдельных домохозяйств.

Во-вторых, распределение доходов должно охватывать все группы населения, а не только нижний и верхний квартили.

В-третьих, для создания репрезентативной выборки следует не включать в исследование студентов, неофициально работающих пенсионеров или иных лиц, не имеющих постоянных источников дохода и возможности полноценного участия в хозяйственной деятельности.

В-четвертых, доход должен быть определен, аналогично определению национального дохода какой-либо страны, т. е. полученного отдельными лицами, включая доходы в натуральной форме до и после взимания прямых налогов, включая налог на доходы физических и юридических лиц, взимаемых с реализованного прироста капитала.

В-пятых, полученная выборка должна представлять собой группы лиц, имеющих ограниченный какими – либо предельными значениями уровень дохода на душу населения. Отметим, что для измерения доли доходов внутри выделенных групп, целесообразно использовать процентиля, децили, квинтили и т. д. В свою очередь, в базовом массиве денежные поступления должны быть классифицированы по среднему уровню дохода или должны включать достаточно длительный исследовательский интервал, включающий поколение или период около 25 лет.

Отметим, что в течение такого длительного периода времени домохозяйства могут переходить из одной группы в другую, учитывая изменяющиеся во времени доходы семьи. В связи с этим возникает необходимость выделить те группы домохозяйств, которые в течение всего периода исследования оставались в одной и той же группе, а какие домохозяйств и в каком количестве или соотношении перешли из одной группы в другую. Кроме того, в рамках представленной работы с учетом относительно длительного периода исследования отмечается необходимость использования не абсолютных, а относительных показателей уровня доходов.

Автор настоящей работы отмечает, что данные по исследуемым странам (США, Германии и Великобритании) за период с 1913 по 1920-е годы, были немногочисленны, однако именно эта статистическая информация явилась основой формирования выводов о долгосрочных изменениях динамики доходов исследуемых развитых стран. Представленная статистическая информация свидетельствует о выравнивании уровня доходов исследуемых стран. Для подтверждения обозначенного тезиса рассмотрим фрагментарные данные по динамике доходов исследуемых стран, полученных до уплаты

прямых налогов. Так, в США доля двух низших доходных квинтилей возросла с 13,25% в 1929 до 18% по данным на 1944 год, а также в последующий послевоенный период (1946 – 1950-е годы). Кроме того, в Великобритании наблюдается снижение уровня доходов 5% наиболее обеспеченных групп лиц с 46% в 1880 до 43% в 1910, а затем до 31% в 1938 году и до 24% в 1947 году; при этом доля беднейших слоев населения остается довольно постоянной между 1880 и 1913 годом, составляя 41-43%, но затем возрастает до 46% в 1929 году и до 55% в 1947 году. Кроме того, доля наиболее состоятельного квинтиля увеличилась с 48 до 50%, а доля наиболее обеспеченных слоев населения возросла с 26 до 30%.

При этом доля наименее обеспеченных (60%) оставалась примерно на том же уровне. Отдельно автор данной работы исследует динамику уровня доходов по федеральным землям Германии. Так, в одной из наиболее крупных федеральных земель (Саксонии) в период с 1880 до 1913 годов наблюдалось снижение неравенства для первого и второго квинтилей с 15 до 14,25% соответственно. В свою очередь, наблюдался рост доли третьего и четвертого квинтилей (с 12 до 13%) и с 16,25 до 18% соответственно. При этом наблюдалось снижение показателей неравенства доходов верхнего квинтиля с 56,25 до 54,25%, а среди наиболее обеспеченных 5% населения — с 34 до 33%. Автор представленного исследования также отмечает сокращение относительного неравенства уровня доходов в Германии за период с 1913 по 1920-е годы, что было обусловлено существенным сокращением доходов немецких промышленников в военное время.

В свою очередь, в рамках представленной в настоящей работе модели условно существует два сектора – сельское хозяйство и все остальные. Для каждого сектора предложено процентное распределение совокупного дохода между его децилями. В первом случае это распределение варьировалось в пределах от 5,5 до 14,5% для наиболее низкого уровня доходов, повышаясь каждый раз на 1 п.п. от дециля к децилю, достигая своего максимального значения на отметке 14,5%. Во втором случае распределение является значительно более неравномерным, начинаясь с 1 п.п. для самых низких значений, а затем повышаясь каждый раз на 2 п.п. до достижения 19% или верхнего дециля. Отметим, что представленная модель была реализована не для обозначенных выше трех развитых стран, а для следующих развивающихся: стран Латинской Америки, Средней Азии и Африки. В модели условно присваивается доход на душу населения 50 и 100 для реализации первого сценария и 50–200 – для второго. Таким образом, исходя из проведенных расчетов было установлено, что совокупный уровень доходов сектора А снизится с 0,8 до 0,2.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были получены следующие результаты:

1. Выявлено, что различия темпов естественного прироста стран справедливы

только для быстрорастущего населения (с учетом иммиграции и без учета данного параметра), учитывающего снижение уровня смертности и рождаемости в рамках вестернизации экономики европейских стран. Таким образом, основным фактором, препятствующим росту дохода, который мог бы быть вызван кумулятивным эффектом концентрации сбережений, является динамизм формирующейся в исследуемый период экономики.

2. Выявлено, что влияние межотраслевых сдвигов на рост дохода на душу населения, особенно в группах с низкими доходами, также является функцией роста, поскольку только в растущей экономике наблюдается изменение относительной значимости нескольких отраслей промышленности.

3. Выявлено, что неравномерное распределение доходов развивающихся стран связано с низким уровнем среднего дохода на душу населения. Для получения наиболее объективных результатов исследуемые страны были разделены на две группы: наименее развитые и развивающиеся страны, что позволило разграничить полученные для обозначенных двух групп стран результаты.

Следующей работой является исследование [3], в котором проанализирована взаимосвязь различных видов неравенства и уровня институционализации экономики, а также для проверки тесноты обозначенной взаимосвязи проведена количественная оценка взаимосвязи отдельных элементов представленной модели и выявлены причинно-следственные связи между более высоким уровнем развития государственных институтов и более равномерным распределением доходов. Таким образом, цель представленной работы состоит в изучении взаимозависимости динамики изучаемых переменных в будущие периоды.

Как известно, высокий уровень развития государственных институтов является одной из основных предпосылок темпов экономического роста страны. Однако уровень институционализации экономики существенно различается при проведении анализа в страновом разрезе. Так, согласно данным отчета Transparency International, представленного авторами настоящей работы, отмечается, что странами с самым низким уровнем коррупции являются Финляндия, Исландия, Дания и Новая Зеландия с показателем 9,5 из 10 баллов. В свою очередь, такие страны, как Бангладеш, Нигерия и Гаити, имеют самый высокий уровень коррупции с показателями менее 1,5 баллов. Более того, представленное ранжирование является относительно постоянным во времени.

Авторами представленного исследования отмечается, что в опубликованных ранее работах были приведены аналитические модели, в которых была рассмотрена зависимость качества институциональной среды от уровня экономического развития страны. В

частности, в исследованиях [4] и [5], высказана гипотеза, согласно которой равномерное распределение доходов является одной из важнейших предпосылок качества институционального развития. Так, в исследовании [5] представлена динамическая модель, согласно которой недостаточно высокое качество институционального развития связано с расточительным перераспределением доходов в пользу наиболее обеспеченных слоев населения страны. В модели также учитываются уровень технологического развития страны и наличие природных ресурсов, как источники низкого качества институционального развития страны. Таким образом, полученные авторами настоящей работы результаты показывают уровень корреляции доли доходов среднего квантиля с различными показателями качества институциональной среды в диапазоне от 0,30 до 0,44, а наиболее высокая корреляция дохода наблюдается с показателем верховенства закона. Аналогичным образом корреляция различных показателей качества институциональной среды и коэффициента Джини, широко используемым показателем неравенства доходов, колеблется в пределах от 0,40 до 0,44 в зависимости от используемого совокупного институционального показателя. Однако динамика обозначенных двух переменных может быть разнонаправленной и, следовательно, могут быть получены различные результирующие показатели причинно-следственных связей между ними.

Представленная в рамках настоящей работы модель описывает две страны – Россию и Боливию. Для России выбран период перехода к рыночной экономике, когда имело место взаимодействие различных по степени влияния политических сил и значительное неравенство доходов населения, одной из причин которого стала приватизация 1990-х годов, в ходе проведения которой незначительная часть предпринимателей получила доступ к политической власти. Аналогичным образом в ряде стран Латинской Америки, в частности, в Бразилии сферой интересов правящих элит стал малый и средний бизнес, что, в условиях нежелания совершенствования законодательства, приводило к возникновению теневого сектора экономики. Кроме прочего, получение официального статуса предпринимателями и выход из теневого сектора экономики мог быть достаточно дорогостоящим, в связи с чем многие мелкие и средние предприниматели отказались даже от размышлений о своем официальном статусе, что подтверждено материалами исследований [6], [7].

В данной работе авторами исследуется взаимозависимость уровня институционализации экономики и уровня неравенства доходов населения страны. В частности, предполагается, что, хотя неравенство доходов может вызвать постепенное разрушение отдельных институтов со стороны политически влиятельной богатой элиты, верно и обратное, а именно, что недостаточно высокий уровень институционализации

экономики приводит к росту показателей неравенства доходов. Обозначенная причинно-следственная связь в рамках представленной работы демонстрируется сначала в рамках простой динамической модели, а затем проверяется на основе использования межстрановой панели данных. В работе использован инновационный метод PVAR-модели, который позволяет дать количественную оценку влияния одной переменной на другую, если таковое имеется. В частности, выбранный авторами метод позволяет исследовать следующие причинно-следственные связи по Грейнджеру: между уровнем институционализации и неравенством доходов населения, неравномерности влияния институтов на выбранный политический курс, а также взаимосвязи отдельных институтов и уровня неравенства доходов в стране. Этот подход согласуется с исследованиями, в которых панельные данные были использованы для проверки причинно-следственных связей, прежде всего в контексте показателей экономического роста.

Рассмотрим предложенную авторами настоящей работы модель, а также период проведения оценки используемых переменных, представленных в динамической постановке. Согласно авторской гипотезе, есть некоторая страна (экономика), населенная определенными лицами в определенный период времени, образующими домохозяйства, в состав которых входят семьи с детьми, имеющие исходный уровень дохода, определяемый, как экзогенная переменная. В свою очередь, уровень дохода за весь исследовательский интервал определяется эндогенно. При этом первоначальное распределение доходов предполагается логнормальным, а распределения в последующие периоды определяются эндогенно. Приведенные допущения подразумевают, что все будущие распределения являются логнормальными. В каждый период времени домохозяйства распределяют ресурсы между потреблением, продуктивными инвестициями, а также инвестициями в произведенные нефинансовые активы с целью получения ренты.

В отличие от проводимых ранее аналогичных исследований по данной проблематике [8] и [9], в представленной работе выбран альтернативный метод проведения анализа, связанного с исследованием взаимосвязи относительно низкого качества институционализации экономики и высокой степени неравенства доходов населения, связанный с отношением представленных переменных между собой в динамике, а также с учетом влияния на них причинно-следственных связей, позволяющих оценить роль рассматриваемых переменных в модели, а также их возможную корреляцию. Используемая в работе методология состоит в оценке и тестировании моделей векторной авторегрессии (VAR) с учетом использования возможностей представленной модели. Первым, используемым в работе показателем, является коэффициент Джини, применяемый в качестве показателя неравенства доходов, аналогично исследованию [10] за период с 1960

по 1995 годы. В работе также использованы альтернативные показатели распределения доходов, такие как отношение доли доходов между верхним и нижним квартилем населения, а также доли доходов лиц из среднего квартиля, измеряемого в пределах от нуля до единицы. Кроме того, следующей группой используемых показателей являются показатели эффективности управления страной, представленные ранее в работе [11], охватывающие 199 стран за 1995, 1998, 2000 и 2002 годы, среди которых фиксируются показатели выборности правительств, сменяемости власти, уважения граждан и государства к институтам, которые регулируют экономические и социальные взаимодействия между ними (т. е. верховенство закона и контроль над коррупцией), что применялось ранее в работе [12]. В работе также использованы данные International Country Risk Guide (ICRG), применяемые ранее в исследованиях [13] и [14]. Представленная система оценки рисков (ICRG) позволяет предварительно присвоить числовое значение определенному диапазону компонентов риска примерно для 130 стран. В этой статье рассмотрено пять наиболее часто используемых в литературе институциональных показателей: политическая стабильность, уровень коррупции, закон и порядок, демократическая подотчетность и качество функционирования бюрократического механизма, а также, аналогично исследованию [12], было рассчитано среднее значение этих пяти параметров за период 1984–2000 годов. Кроме того, в работе был рассчитан индекс Гастиля, определяемый как простое среднее индексов гражданских свобод и политических прав за период с 1970 по 2000 годы, а также были использованы кредитные рейтинги, которые представляют собой рейтинги инвестиционной привлекательности регионов, включающие в себя исследовательский интервал с 1970 по 2000 годы.

Таким образом, в ходе проведенного в рамках настоящей работы исследования были получены следующие результаты:

1. Выявлена двунаправленная причинно-следственную связь уровня институционализации экономики и показателей неравенства уровня доходов. В то время, как вклад уровня институционализации в исследуемую линейную зависимость составляет 33%, вклад неравенства в причинность уровня институционализации экономики составляет 55%, что было рассчитано на основе использования институционального сводного показателя для полной выборки стран, и этот вывод остается в силе, если сосредоточиться на представленной подвыборке промышленно развитых стран. В этом частном случае вклад институционализации в причинность неравенства составляет примерно 25%, а вклад уровня институционализации в причинность неравенства доходов при оценке общей линейной зависимости составляет примерно 64%. Аналогичные результаты были получены и для развивающихся стран: вклад институтов в причинно-

следственную связь неравенства доходов в общей линейной зависимости в этом случае составит 33%, а вклад причинности в неравенство уровня доходов – 58% соответственно.

2. В случае использования коэффициента Джини для полной выборки наибольший вклад в линейную зависимость институционального качества и неравенством уровня доходов приходится на причинно-следственную связь демократической подотчетности и качества функционирования бюрократического механизма (64%). Аналогичная ситуация наблюдается и в случае промышленно развитых стран, для которых преобладает причинно-следственная связь, идущая от неравенства доходов, связанных с применением мер для борьбы с коррупцией, объясняющих почти 73% общей линейной зависимости уровня институционального развития страны и неравенства доходов. Один компонент, который вносит наименьший вклад в это направление причинно-следственной связи, является качество регулирования (54%). В свою очередь, причинно-следственная связь между неравенством доходов и верховенством закона объясняет 74% линейной зависимости рассматриваемого предмета исследования, что представляет собой наибольший вклад в представленную линейную зависимость.

3. Выявлено, что причинно-следственная связь неравенства уровня доходов с качеством институционального развития страны превышает показатели по линейной зависимости обозначенных переменных, составляя 64% для полной выборки. Наиболее высокие значения показателя обозначенной причинно – следственной связи возникают в случае учета фактора коррупции, составляя 66%, а наименьшее – в случае учета бюрократического механизма (61%).

4. Рассчитано, что причинно-следственная связь неравенства доходов и институционального развития страны для развитых стран приобретает наиболее высокие значения при использовании фактора демократической подотчетности (60%), политической стабильности (59%), а также уровня коррупции (59%). Отмечено, что эти показатели оказываются выше для развивающихся стран при оценке обозначенной зависимости: наиболее высокие значения наблюдаются при использовании фактора демократической подотчетности (67%), а также политической стабильности и уровня коррупции – по 63%.

5. В качестве дополнительной проверки надежности полученных результатов в работе использованы данные Freedom House и Institutional Investordata, что позволило подтвердить относительную схожесть полученных результатов по сравнению с полученными ранее и представленными в предыдущих выводах. Что касается причинно-следственной связи неравенства доходов и качества институционального развития страны, при полной выборке составляет 59%, для промышленно развитых стран – 54 и для

развивающихся – 58% соответственно при использовании коэффициента Джини и индекса Гастиля. В свою очередь, показатели причинно-следственных связей между качеством институционального развития страны и неравенством уровня доходов оказались значительно ниже (37% для полной выборки, и по 38% для промышленно развитых и развивающихся стран).

Следующей работой [15], представленной в рамках настоящего обзора литературы, является исследование, в котором проведена оценка влияния неравенства уровня доходов на динамику экономического роста будущих периодов, что ранее являлась одним из нерешенных и малоисследованных вопросов. Результаты регрессий, представленных в первой волне исследований по данной проблематике, показали значительное негативное влияние на экономический рост страны в будущем. В рамках реализации второго подхода, основанного на использовании панельных данных, учитывается систематическая ошибка пропущенной переменной. В свою очередь, в рамках третьей волны исследований была предложена определенная методология реализации исследований влияния уровня доходов на прогнозирование динамики экономического роста страны.

Со времени публикации революционной работы [16] эмпирические исследования детерминант экономического роста нашли убедительные доказательства условной конвергенции. Таким образом, была представлена модель роста, согласно которой при прочих равных условиях более высокий уровень текущего дохода на душу населения приводит к более медленному экономическому росту в будущем. При этом спорным оставался вопрос о том, какое влияние оказывает распределение текущего дохода на темпы экономического роста, если таковое имеется.

В середине 90-х годов XX века была представлена теория подтвердившая взаимосвязь неравенства с экономическим ростом. Прогрессивная социальная политика в целом и институциональная негибкость на рынке труда в частности были названы одной из причин, по которым в ЕС наблюдается как более низкие показатели неравенства, так и более низкие темпы экономического роста, чем в Соединенных Штатах. Кроме того, вторая волна эмпирических исследований предоставила некоторую формальную поддержку утверждению о том, что неравенство и экономический рост могут быть положительно связаны. Так, в исследовании [17], воспроизводя методологию [18] в отношении штатов США, был получен положительный коэффициент начального уровня неравенства, как и в работе [19], в которой также были использованы недавно доступные панельные данные по странам для контроля фиксированных эффектов для конкретных стран. Отметим, что итоговые межстрановые регрессии, описывающие зависимость неравенства доходов и экономического роста страны, часто подвержены потенциальной систематической ошибке,

связанной с пропущенной переменной. Однако оценки фиксированных эффектов на основе панельных данных крайне неэффективны, поскольку неравенство относительно мало варьируется внутри стран (по сравнению с его вариациями между странами).

Применение обобщенного МНК позволяет учитывать инвариантные характеристики страны, включающие характеристики институционального качества среды, но требует ввести предположение, что любые включенные фиксированные переменные не коррелируют с исключенными. При наличии ключевых пропущенных переменных модели используется метод оценки, изложенный в работе [20], который позволяет, учитывая эндогенность оставшихся переменных, наиболее корректно по сравнению с предыдущими исследованиями оценить влияние неравенства на экономический рост. В свою очередь, в исследовании [21] использует двухотраслевую модель экономического роста с положительными внешними эффектами в одной из отраслей, что позволит выявить основные предпосылки взаимосвязи неравенства с экономическим ростом.

В представленной модели экономический рост и неравенство эндогенно определяются двумя параметрами, связанными с институциональной структурой: барьерами для участия в формальном секторе экономики, которые относительно неизменны во времени и оказывают противоположное влияние на экономический рост и неравенство, а также изменяющийся во времени уровень государственного перераспределения доходов, который обеспечивает единый вектор экономического роста и неравенства уровня доходов. Используя обозначенную парадигму, авторами данной работы был обоснован подход, позволивший определить, в какой степени относительно неизменные во времени институциональные барьеры для участия в формальном секторе могут быть ключевой упущенной переменной, обуславливающей несоответствие между поперечными и панельными данными при оценке взаимосвязи неравенства с экономическим ростом.

В представленной модели были использованы панельные данные. Периодом проводимого исследования стали шесть пятилетних периодов, начиная с 1961 – 1965 годов и, завершая 1996 – 2000 годом. Экономический рост в каждом периоде определялся путем составления соответствующего уравнения регрессии на основе использования логарифма дохода на душу населения и количества лет обучения в средней школе, а также коэффициента Джини, формируемого из дохода, относительно последнего года предыдущего периода и средней стоимости инвестиций по сравнению с предыдущим периодом. Данные о доходах на душу населения и стоимости инвестиций взяты из данных национальных счетов, собранные в единую базу данных Университетом Пенсильвании, данные о количестве лет обучения из [22], а данные о доходах для расчета коэффициента

Джини были взяты из World Income (База данных о неравенстве доходов (WIID)) за 2003 год, включающая в себя базу данных Всемирного банка о неравенстве доходов стран мира, используемую [19] и другими.

Перейдем непосредственно к описанию полученной авторами представленной работы модели и анализу наиболее значимых аспектов ее формирования. Представленные в работе оценки повторили вывод, изложенный в исследовании [19] и результатах исследований других авторов, в которых расчеты параметров модели были приведены с учетом реализации второго подхода на основе использования модели панельных данных с фиксированными эффектами, согласно которой рост внутривнутристранового неравенства является статистически значимым показателем при проведении оценки экономического роста страны. Для проверки обозначенного тезиса в работе были приведены следующие доказательства данного утверждения:

1. Проведена стандартная оценка уравнений регрессии по странам, которая подтвердила первоначальное утверждение, согласно которому было выявлено, что неравенство уровня доходов взаимосвязано с темпами экономического роста страны.

2. Представленный результат уравнений регрессии устойчив к включению институциональных переменных, в том числе, касающихся экономических институтов, а также региональных фиктивных переменных, к которым относятся следующие: для стран Африки к югу от Сахары и Латинской Америки, стран Карибского бассейна, которые оказываются значимыми по крайней мере в одном уравнении. Отметим, что исключение экономических институтов из уравнения регрессии по темпам экономического роста в страновом разрезе привело к ошибочному выводу, что неравенство однозначно снижает темпы экономического роста страны.

Таким образом, представленная в рамках настоящей работы интерпретация параметров модели заключается в том, что низкое качество экономических институтов приводит к неравенству уровня доходов и низкому уровню институционализации экономики.

Далее в рамках реализации второго подхода было проведено включение переменных с фиксированными эффектами в модель, в которой влияние переменных, не зависящих от времени, характерных для конкретной страны, включены в состав постоянных переменных, описывающих динамику экономического роста исследуемой страны. После этого авторы представленного исследования показали, что эти фиксированные страновые эффекты тесно связаны с институциональными переменными. Представленный тезис опять-таки коррелирует с выводом о необходимости включения в модель географических и региональных фиктивных переменных. Кроме того, для периода 1960–1970 годы в модель

в качестве эндогенных переменных вводят запрет на отчуждение земель, а также действующий политический строй в стране, в первую очередь, демократия.

На следующем шаге авторами была проанализирована надежность представленной модели, что позволило подтвердить, что результаты представленных моделей устойчивы к включению региональных фиктивных моделей, несмотря на то, что запрет на отчуждение земель не имеет значения в регрессии, описывающей неравенство доходов, однако позволяет обосновать выбор 29 стран для представленной модели. Также в уравнение неравенства доходов вводятся такие переменные, как логарифм смертности и плотность населения европейцев.

Таким образом, в ходе проведенного в рамках настоящей работы исследования были получены следующие результаты:

1. Выявлено, что риски экспроприации и риски изменения политического строя важны для объяснения как экономического роста, так и неравенства уровня доходов. При этом после того, как они были учтены в поперечной регрессии экономического роста, коэффициент неравенства перестает быть отрицательным и значимым. Также отмечено, что в долгосрочной перспективе экономический рост и неравенство уровня доходов, вероятно, будут совместно определяемыми характеристиками, составляющими основу динамики распределения доходов, формирующих панель используемых данных.

2. Выявлено, что экономический рост и неравенство уровня доходов будут определять качество институционального развития на основе использования инструментальных методов, позволяющих фиксировать потенциальные проблемы эндогенности.

3. Следует отметить относительно высокую точность полученных результатов, полученных при использовании стандартного набора инструментов и связанную с их использованием эффективность представленных оценок. В данной работе подтверждается. Что межстрановые уравнения регрессии, описывающие взаимосвязь неравенства по доходам и экономического роста, подвержены потенциальной систематической ошибке, связанной с наличием пропущенной переменной. Однако оценки фиксированных эффектов, полученные на основе использования панельных данных, оказываются крайне неэффективными, поскольку внутристрановое неравенство по уровню доходов меняется достаточно медленно по сравнению с его межстрановыми вариациями.

4. Авторами представленной работы были выявлены следующие закономерности:

1) Экономический рост и неравенство представляют собой сводные статистические данные, полученные на основе оценки динамики распределения доходов, формируемых с

учетом качества институциональной среды. В свою очередь, институциональные характеристики различаются как по странам, так и по исследуемым временным интервалам, но наибольшее значение они приобретают при определении уровня дохода в долгосрочном периоде, и неравенство, при этом, будет также относительно инвариантно по времени. В частности, институты, которые ограничивают возможности населения страны, не обеспечивая проживающим на данной территории лицам фактического доступа к образованию, земельным ресурсам, доступу к кредитам или возможности влияния на политическую жизнь страны, что, в итоге, создает барьеры для широкого участия в функционировании формального сектора экономики, приведет к росту неравенства по доходам при снижении темпов экономического роста.

2) Выделены внутристрановые различия институтов, связанные с проводимой в стране государственной политикой, а не с глубокими изменениями в лежащей в их основе институциональной среде. Однако многие из этих мер, в том числе направленные на изменение предельных налоговых ставок, доли государственного (по сравнению с рыночным) контроля над экономикой или скорости внедрения инноваций и технологических изменений—все эти факторы оказывают значимое влияние на инвестиционные стимулы, и таким образом, они могут оказать непосредственное воздействие на неравенство и экономический рост. Аналогично анализу институтов, представленному в страновом разрезе и учитывающему ограничительные функции в разных странах, проводится оценка влияния неравенства на экономический рост с учетом различий институциональных условий экономического роста.

5. В ходе проведения оценки экономического эффекта было выявлено, что его величина составляет около $2/3$ величины эффекта, заявленного в работе [19], что обусловлено расчетным значением отклонения изменения внутристранового (примерно 3-4 балла по столбальной шкале), связанных с отклонением темпов экономического роста внутри страны. Также было рассчитано, что одно стандартное отклонение в неравенстве составляет около 10 баллов, снижая при этом средние темпы экономического роста примерно на 0,41 п.п. (21% при проведении соответствующих страновых сопоставлений).

Следующей работой, представленной в рамках настоящего обзора литературы, является исследование [23], в котором рассмотрены вопросы, связанные с распределением эквивалентного дохода между экономическими агентами, например работниками и предпринимателями. Первым шагом в решении этой проблемы является понимание того, каким образом распределяется продукция (или доход) в Соединенных Штатах, и понимание того, как это распределение менялось с течением времени. Однако измерение неравенства доходов не является тривиальной задачей.

Как известно, существуют различные источники доходов, среди которых выделяют непосредственно заработную плату, а также доход от прироста стоимости капитала, медицинское страхование, предоставляемое работодателем, а также другие составляющие поддержки работника, осуществляемые со стороны работодателя, не связанные с окладом работника, что делает проблематичным измерение получаемого дохода. Тем не менее, используя ряд различных определений дохода и применяя различные показатели, исследователи попытались провести очередную количественную оценку неравенства доходов в США. Для проведения представленных оценок авторами данной работы было выбрано два основных исследовательских интервала – с 1947 года (периода восстановления стран и экономик мира после Второй мировой войны), а также период с 1970 по 2013 годы, включающий в себя мировой финансовый кризис 2007 – 2009 годов, а также рецессию 2001 года и относительную стабилизацию мировой экономики в 2013 – 2014 годы.

Для изучения неравенства уровня доходов необходим доход отдельных домохозяйств. Хотя валовой внутренний продукт является обычным совокупным показателем дохода, существует множество определений дохода и множество источников, в которых представлены доходы на душу населения, среди которых важное место занимает используемый авторами настоящей работы источник – SOI. При этом исследования, в которых используются различные источники данных, приходят к различным выводам о неравенстве доходов в зависимости от определения, используемого для дохода.

Еще одним источником данных о доходах физических лиц является Current Population Survey Tables for Personal Income (CPS) – Табличные данные опросов населения по личному доходу, публикуемые ежегодно в марте месяце на основе проводимых ежемесячных опросов 75000 домохозяйств и представляемые в денежной форме (иные доходы (неденежные) в представленную статистику не включаются). В то время как CPS предоставляет качественные данные о низком и среднем уровне дохода, доходы выше определенного порога не сообщаются, согласно положению закона о защите частной жизни, что делает представленную статистическую информацию недостаточно полной при необходимости проведения оценки среднедушевых доходов обеспеченных лиц. В этом случае для определения высокого уровня доходов используются данные SOI.

В связи с обозначенными проблемами Бюджетное управление Конгресса (CBO) также представило набор данных, который объединяет CPS и SOI и опирается на сильные стороны каждого источника — CPS для низкого дохода и SOI для высокого дохода соответственно. В своих публикациях CBO сообщает о рыночном доходе как до налогообложения (рыночный доход плюс государственные трансферты), так и после налогообложения (доход до налогообложения за вычетом федеральных налогов). Более

того, общепризнано, что экономика США имеет общие признаки с экономиками других развитых стран по критерию неравенства доходов до уплаты налогов и трансфертов.

Таким образом, в ходе проведенного в рамках настоящей работы исследования были получены следующие результаты:

1. Выявлено, что с 1947 года до начала 1970-х годов неравенство доходов в США было относительно низким, что подтверждается динамикой коэффициента Джини исследуемого периода, который оставался неизменным или снижался. Кроме того, при оценке был выбран дополнительный исследовательский интервал, включавший в себя, в том числе, Великую депрессию 1929 – 1931 годов, а также более ранние периоды, что позволило сделать вывод, что пик неравенства доходов наблюдался в 1920-х годах, а затем неравенство уменьшилось после Великой депрессии, когда основные доходы от прироста капитала упали и не смогли восстановиться. Хотя экономика США восстановилась во время Второй мировой войны, контроль за заработной платой предотвратил рост высоких доходов. После окончания войны прогрессивные налоговые реформы позволили поддержать высокие темпы роста в странах с низким и средним уровнем дохода. Отмечено, что, начиная с 1970-х годов, рост заработной платы в верхнем сегменте распределения доходов опережал остальную часть распределения, в связи с чем неравенство начало расти.

2. Рассчитано, что коэффициент Джини вырос с 0,394 в 1970 году до 0,482 в 2013 году. По оценкам СВО, в период с 1979 по 2011 год рыночный доход вырос на 56% в 81-м и на 174% в 99-м процентиле. Также рассчитано, что рост рыночного дохода в четырех нижних квинтилях составил в среднем 16%. При этом государственные трансферты и федеральные налоги определенным образом перераспределялись в этот период, а неравенство доходов после уплаты налогов существенно возрастало.

3. Отмечено, что рост неравенства в 1970-х годах отличался от роста данного показателя в 1920-х годах. Так, в период с 1940 по 1970 годы структура самых высоких доходов сместилась с дохода от прироста капитала на доход от заработной платы. В верхних 0,01% доля совокупного дохода от данного показателя упала с 70% в 1929 году до чуть более 20% в 1998 году соответственно. При этом доход от заработной платы возрос за тот же период с 10 до 45%. Высокие темпы роста верхнего предела заработной платы были обусловлены принятым Законом о налоговой реформе 1986 года, который позволил снизить максимальные ставки налога на предельный доход.

4. Выявлено, что после 1970-х годов неравенство продолжило расти. Так, в период рецессий 2001 и 2007–2009 годов максимальные доходы резко сократились, что было обусловлено обвалом фондового рынка, и, как следствие, снижением темпов прироста стоимости капитала и опционов на акции. Однако потери наиболее высоких доходов были

временными. Так, например, в период восстановления экономики с 2002 по 2007 годы на 1% самых богатых людей приходилось около двух третей совокупного роста доходов. Кроме того, несмотря на то, что самые высокие доходы упали на 36,3% в период мирового финансового кризиса 2007–2009 гг., доходы беднейших 99% слоев населения также снизились на 11,6%, что явилось наиболее значительным двухлетним падением доходов беднейших 99% населения со времен Великой депрессии. Также было рассчитано, что в период с 2009 по 2014 годы 1% самых богатых людей получил 58% прироста доходов. В свою очередь, рост доходов с 2013 по 2014 год был более равномерным. При этом доходы беднейших 99% населения возросли на 3,3%, что явилось лучшим показателем за более чем 10 лет, а коэффициент Джини для оценки доходов домохозяйств незначительно снизился, что стало первым снижением без рецессии, начиная с 1998 года.

В следующей работе [24] исследуется зависимость неравенства уровня доходов от темпов экономического роста стран–экспортеров природных ресурсов. В данной работе автором использована двухсекторная модель эндогенного экономического роста для малой открытой экономики, включающая в себя две группы домохозяйств – богатые и бедные. Отметим, что исследование проводилось на основе использования панельных данных за период с 1975 по 2015 годы для большинства из следующих сорока стран: Албания, Аргентина, Австралия, Азербайджан, Боливия, Бразилия, Болгария, Канада, Чили, Китай, Колумбия, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Эквадор, Египет Эфиопия, Гондурас, Индия, Индонезия, Иран, Казахстан, Кыргызская Республика, Малайзия, Мексика, Монголия, Марокко, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, Парагвай, Перу, Филиппины, Румыния, Россия, ЮАР, Таиланд, Тринидад и Тобаго, Украина, Великобритания, Венесуэла. Для стран, которые по тем или иным причинам не имели полной статистической информации по обозначенному исследовательскому интервалу, были выбраны следующие периоды: 1975 – 2010, 1975 – 2015, 1985 – 2015, 1990 – 2015, 1995 – 2015, 2000 – 2015, а также 1985 – 2010, 1990 – 2010 и 1980 – 2005 годы.

Кроме того, в работе были учтены следующие допущения:

- 1) Рост производительности зависит от возможности прохождения обучения во время работы.
- 2) Наблюдается изменение относительного спроса на неторгуемые товары по отношению к торгуемым товарам.

В рамках вводной части представленного исследования рассмотрены основные характеристики стран, основу которых составляет добывающий сектор, а не обрабатывающий. Так, в исследовании [25] отмечено, что страны, богатые природными ресурсами имеют более низкие темпы экономического роста, чем страны, не обладающие

ими [26], а также в большей степени подвержены неравенству уровня доходов, чем страны, не имеющие природных богатств [27]. Кроме того, в рамках представленной работы подтверждается гипотеза о негативном влиянии зависимости от ресурсов на экономический рост, что также подтверждается результатами следующих проведенных ранее исследований [26], [28], [29]. Второй вопрос, которому также уделяется значительное внимание в рамках представленной работы, связан с влиянием ресурсного бума на неравенство доходов. Так, в исследовании [30] утверждается, что наличие полезных ископаемых является одним из основных факторов, определяющих неравенство доходов развивающихся стран. Согласно материалам исследования [31], зависимость от ресурсов приводит как к более низким темпам роста, так и к более высокому уровню неравенства. В модели, представленной в работе [31], показано, что образование, повышающее отдачу от работы за счет более высокого уровня производительности, может одновременно способствовать сокращению неравенства и повышению темпов экономического роста, что позволит нивелировать неблагоприятное воздействие ресурсной ренты на исследуемые экономики. Другими словами, инвестиции в образование могут способствовать увеличению темпов экономического роста и уменьшению неравенства.

В свою очередь, в исследовании [32] была предложена двухсекторная модель роста, в которую были включены два вида труда, квалифицированный и неквалифицированный, что в рамках реализации модели обучения на практике (LBD) позволило выявить, что этот механизм стимулирует экономический рост. Авторы данной работы [32] также предположили, что торгуемый сектор относительно более трудоемок, чем неторгуемый. Основными источниками изменения уровня неравенства доходов являются неравномерное распределение доходов от ресурсов и фактическое размещение факторов производства по отраслям. Их теоретические выводы были подтверждены использованными в модели панельными данными, включающими 90 стран за период 1965–1999 годы.

Основой представленной в рамках настоящей работы модели стало исследование [33]. Однако в отличии от данной работы, в представленном исследовании автором предложено выделить как сторону спроса, так и движущие силы со стороны предложения, что позволит сформировать несбалансированную модель роста. С точки зрения спроса, новым аспектом этого исследования является применение теории гомотетичных предпочтений для связи неравенства доходов и темпов экономического роста. В данной работе объединены два источника голландской болезни, связанные с темпами роста уровня производительности при использовании LBD-модели, представленной в работе [26], с одной стороны, и темпами роста накопления капитала с учетом ограничения поглощающей способности, описанной в исследовании [33], с другой. В этом случае существующая

структура отличается от моделей, использующих гомотетичные предпочтения, в которых долгосрочный рост определяется только общей факторной производительностью (TFP), что было представлено в исследованиях [34], [35].

Основной вклад представленной работы состоит в поиске той совокупности данных, которая позволит выявить факторы, позволяющие наиболее корректно описать взаимосвязь неравенства доходов и экономического роста на основе использования модели панельных данных. Настоящее исследование дает ряд теоретических и эмпирических результатов. Во-первых, представленная модель позволяет описать сущность «голландской болезни» в контексте двухсекторной модели сбалансированного роста и структурных преобразований. Во-вторых, результаты представленного исследования подтверждают, что отраслевая эластичность дохода и отраслевая капиталоемкость играют важную роль в изменении уровня неравенства доходов, т.е. при увеличении природной ренты изменяется уровень неравенства доходов в зависимости от того, какой сектор (торгуемый или неторгуемый) является более капиталоемким. В-третьих, представленное исследование показывает, что неравенство доходов является важным каналом передачи, через который ресурсная рента может регулировать уровень проклятия природных ресурсов. В-четвертых, политический режим (демократический или недемократический) играет решающую роль во взаимодействии исследуемых переменных.

Таким образом, основная гипотеза представленного исследования состоит в том, что относительный спрос на неторгуемые товары по сравнению с торгуемыми увеличивается по мере увеличения неравенства доходов. Непосредственным результатом является расширение неторгуемого и сокращение торгуемого сектора. Для проверки представленной гипотезы рекомендуется использовать индекс Джини для проведения соответствующей оценки уровня неравенства доходов, поскольку вполне вероятно, что какие-то другие факторы вызывают структурную трансформацию, а вектор независимой переменной применяется в базовой регрессионной модели.

Зависимыми переменными в рамках представленной модели являются неравенство уровня доходов и индекс, измеряющий уровень структурной трансформации экономики, элементами которого являются относительная занятость (труд) и доля добавленной стоимости (неторгуемый сектор по отношению к торгуемому сектору), а также натуральный логарифм ВВП на душу населения и его квадрат, что позволяет оценить взаимосвязь структурной трансформации экономики с уровнем дохода и, таким образом, оценить гипотезу Кузнецца, связанную с перераспределением активности по секторам экономики, т.е. ее трансформации. В свою очередь, доля ресурсной ренты в ВВП была использована в качестве косвенного показателя неожиданного дохода. Кроме того, в работе

рассмотрена реакция экономики на непредвиденный поток доходов, связанный с открытием новых месторождений: при открытии новых месторождений происходит сокращение торгуемого сектора, а также замедление темпов экономического роста страны.

Таким образом, в ходе проведенного в рамках настоящей работы исследования авторами были получены следующие результаты:

1. Представленная в рамках настоящей работы модель включает в себя взаимосочетание эффекта голландской болезни и негомтетического предпочтения, результатом которого является полученная модель сбалансированного роста, позволяющая нивелировать структурные трансформации экономики. Кроме того, при моделировании голландской болезни в исследование включены торгуемые и неторгуемые товары, а также в данной модели использована теория негомтетичных предпочтений. Согласно закону Энгеля, представленные в модели товары являются соответственно предметами первой необходимости и предметами роскоши. В модель включены две группы доходов, богатых и бедных, а также высказано предположение, что богатые тратят большую долю своего дохода на неторгуемые товары, чем бедные. В представленной модели учтена реакция производительности на перераспределение природной ренты в пользу бедных, а также индекс демократии, представленный в динамической постановке. Предложенная для целей проводимого исследования модель представляет собой систему регрессий, основанную на использовании двух панелей данных, которые одновременно оцениваются трехшаговым методом наименьших квадратов.

2. Настоящее исследование дает ряд теоретических выводов, подтвержденных эмпирическими данными. Во-первых, постоянный рост непредвиденных доходов приводит к перераспределению факторов производства и сокращению торгуемого сектора (т.е. деиндустриализации) и замедлению темпов экономического роста (например, голландской болезни). Во-вторых, с учетом непредвиденных доходов неравенство доходов возрастает, если неторгуемый сектор является относительно капиталоемким, а неравенство доходов сокращается, если неторгуемый сектор является относительно трудоемким. В-третьих, перераспределение доходов в пользу бедных (т.е. снижение неравенства доходов) за счет снижения спроса на неторгуемые товары (т.е. предметы роскоши) имеет тенденцию усугублять ресурсное проклятие (т.е. происходит замедление темпов экономического роста и наблюдается более высокий уровень деиндустриализации). В-четвертых, капитал интенсивно используется в некоммерческом или торговом секторе, соответственно, происходит перераспределение непредвиденных доходов в пользу бедных (т.е. уменьшение неравенства доходов), а также смягчаются негативные последствия природной ренты. В-пятых, ресурсное проклятие положительно связано с индексом демократии,

соответственно, чем выше индекс демократии, тем интенсивнее ресурсное проклятие. В этих условиях непредвиденный доход обеспечивает более высокий уровень неравенства доходов в демократической стране, чем в недемократической.

3. При проведении анализа базовой модели в работе были представлены попарные корреляции основных независимых переменных модели, что позволило выявить следующие закономерности: непредвиденный доход положительно коррелирует с неравенством доходов, а также с уровнем ВВП на душу населения, в то время как неравенство уровня доходов имеет отрицательную корреляцию с уровнем ВВП на душу населения. Представленная корреляционная матрица позволяет объяснить роль неравенства доходов в оценке влияния непредвиденных доходов на экономические показатели ресурсоемких стран, а также утверждать, что более высокий непредвиденный доход из-за роста неравенства доходов, вероятно, будет сопровождаться более низким уровнем ВВП на душу населения. Кроме того, в рамках представленной модели отвергается наличие ненаблюдаемой неоднородности по странам на основе использования теста множителей Лагранжа, что позволяет вводить в модель фиктивные переменные, сгруппированные на основе классификации стран мира по уровню доходов, публикуемой Всемирным банком.

4. Выявлено, что, как значительное положительное, так и отрицательное влияние на неравенство доходов оказывают ВВП на душу населения и ВВП на душу населения в квадрате, соответственно, что свидетельствует о квадратичной зависимости неравенства доходов и доходов на душу населения, называемой кривой Кузнеца.

5. Результаты представленных расчетов подтверждают, что индекс человеческого капитала и коэффициент инвестирования имеют отрицательный знак и значимы на уровне 1%. Представленные результаты свидетельствуют, что более высокий уровень образования приводит к более равномерному распределению доходов [36], а инвестиции в инфраструктуру позволяют обеспечить лучшее перераспределение доходов в пользу бедных [37].

6. Представленные расчеты также подтверждают наличие значительной отрицательной корреляции между индексом открытости и неравенством доходов. Это означает, что рост индекса открытости на одно стандартное отклонение снижает уровень неравенства доходов примерно на 2% в годовом исчислении.

7. Рассчитано, что уровень неравенства доходов в среднем увеличивается примерно на 17 п.п. в год по мере увеличения непредвиденных доходов на одно стандартное отклонение, что свидетельствует о беспрецедентной значимости

ресурсообеспеченности стран, а не иных факторов при распределении доходов, что подтверждает выводы, изложенные в работе [30].

8. На основании представленных расчетных коэффициентов для факторов, определяющих рост ВВП, следует обратить внимание на величину такого показателя, как логарифм ВВП на душу населения, подтверждающего гипотезу о том, что страны с низким уровнем доходов имеют тенденцию к более высоким темпам роста, по сравнению со странами, в которых проживает относительно большое количество лиц с высоким уровнем доходов, при наличии также других объясняющих фиксированных переменных. Кроме того, индекс человеческого капитала, как и коэффициент инвестирования входит в модель положительным знаком. В соответствии с проводимыми ранее исследованиями [29], [38], [37], [39] представленные результаты подчеркивают роль инвестиций в неторгуемые товары (например, человеческий капитал), что будет способствовать ускорению темпов роста ВВП на душу населения.

9. Увеличение на 1% показателя участия в голосовании (т. е. участия в политической жизни) оценивается как замедление темпов роста ВВП на душу населения примерно на 0,6% в год, что подтверждается ростом индекса демократизации и, следовательно, изменением структуры политической власти в пользу бедных за счет увеличения относительного спроса на неторгуемые товары по отношению к торгуемым товарам, что не только повышает уровень неравенства доходов, но и снижает темпы роста ВВП на душу населения.

2. Современные подходы к оценке взаимосвязи институционализации экономики и наличия в стране природных ресурсов

Следующая работа [40] посвящена взаимосвязи изобилия природных ресурсов и неравенства доходов, представленного в страновом разрезе. Несмотря на то, что проклятие природных ресурсов было тщательно изучено, его влияние на экономический рост (см., исследования [41], [42], [43], а также взаимосвязь изобилия ресурсов и неравенства доходов не было в достаточной степени исследовано. Теоретически влияние изобилия природных ресурсов на неравенство уровня доходов, весьма неоднозначна. В первую очередь имеет значение структура экономики, поскольку капиталоемкие ресурсоемкие отрасли могут получать дефицитный капитал из производства, что замедляет индустриализацию и ведет непосредственно к росту неравенства [44]. В соответствии с этим изобилие ресурсов, способствуя зависимости от экспорта сырьевых товаров, также может остановить диверсифицированную индустриализацию (т. е. производство, не связанное с ресурсами) и урбанизацию — оба процесса способствуют снижению неравенства [45]. С другой стороны, изобилие ресурсов как источник богатства позволит снизить неравенство уровня доходов в

краткосрочной и среднесрочной перспективе. Создавая для страны готовую продукцию, открытие новых месторождений природных ресурсов позволит помочь вывести низкоквалифицированных работников из бедности и выровнять уровень доходов в стране.

Отметим, что основой представленной статьи стало исследование [40], в рамках которого была предпринята попытка провести обзор современной литературы, описывающей взаимосвязь институтов, наличия или отсутствия природных ресурсов и неравенства, а также предложены направления перспективных исследований по данной проблематике. Таким образом, предложенная авторами настоящего исследования [40] рабочая гипотеза сводится к тому, что уровень неравенства в стране и возможность его нивелировать зависит от качества развития политических, в первую очередь, демократических институтов.

Учитывая, что взаимосвязь демократии и неравенства не всегда ясна, стоит изучить, как демократия может смягчить неравенство в странах, богатых природными ресурсами. В частности, было предложено, чтобы влияние демократии было осуществлено по следующим трем каналам:

1. Исполнительные ограничения. Устоявшиеся демократии имеют большее количество сдерживающих факторов и противовесов, что снижает концентрацию политической власти. Поскольку политическая власть более рассредоточена, у экономических субъектов было меньше шансов получить политический контроль над потоками ресурсов [46] и, соответственно, возможность получения ренты от природных ресурсов для собственной выгоды [47], [48]. Таким образом, авторы представленной работы ожидают, что в странах с демократическими политическими институтами и располагающих природными ресурсами неравенство будет меньшим, чем в странах с недемократическими режимами, что подтверждается результатами исследования, изложенными в работе [32].

2. Справедливое распределение. Помимо ограничения политической власти, демократический строй подразумевает возможность реализации социальных программ, а также относительно равномерное распределение доходов от природных ресурсов по сравнению с авторитарными режимами [49], что позволяет нивелировать неравенство доходов в стране [45].

3. Использование возможностей. Наконец, учитывая распространение власти, которое обеспечивает демократия, и социальные расходы, которые она поощряет, демократия также побуждает граждан максимизировать свой собственный потенциал и инвестировать в развитие человеческого капитала. В этих условиях наличие природных ресурсов может быть благом [50], в связи с тем, что наличие природных ресурсов позволяет инвестировать полученные доходы в образование, что в дальнейшем способствует более

справедливому перераспределению доходов. В отличие от авторитарных режимов, демократии должны расширять имеющиеся у населения страны возможности, а также улучшать доступ к ним [51].

Для целей проводимого в рамках настоящей работы при составлении модели о взаимосвязи изобилия природных ресурсов и неравенства доходов, представленного в страновом разрезе, были использованы данные Всемирного банка об отношении ренты от природных ресурсов к валовому внутреннему продукту (ВВП) за период с 1980 по 2009 годы. Данный показатель позволяет описать уровень зависимости страны от доходов, получаемых от экспорта природных ресурсов.

Таким образом, в ходе проведенного в рамках настоящей работы исследования были получены следующие результаты:

1. Проведено исследование влияния наименее и наиболее демократизированных режимов и оценка эффективности обозначенных институтов власти на взаимосвязь наличия природных ресурсов и неравенства доходов, позволившее выявить, что неравенство доходов в среднем оказывается выше в странах, богатых природными ресурсами, уровень демократизации которых остается относительно низким и соответствует значению коэффициента корреляции 0,16. Примером таких стран в рамках представленной работы являются Ангола, Конго и Судан. С другой стороны, демократические страны, такие как Австралия, Канада или Норвегия, демонстрируют значительно более низкий уровень неравенства доходов там, будучи богатыми природными ресурсами. Для представленных стран значение коэффициента корреляции составило -0,12. Представленные результаты подтверждают приведенный выше тезис о перераспределении доходов от природных ресурсов в пользу общества.

2. Отмечено, что представленный в работе анализ, несмотря на то, что в него включены данные о влиянии демократизации общества на взаимосвязь между природными ресурсами и неравенством, в основном основан на корреляциях. Для проведения наиболее корректных оценок в работе представлена сокращенная модель, основанная на использовании перекрестных данных. Представленные данные лагируются, что в давнейшем позволяет избежать риска эндогенности.

3. Следует отметить, что в отличие от ранее проводимых исследований, в данную работу был включен такой показатель, как уровень общего доверия, в связи с чем в своем исследовании [53] автор привел подробное обоснование тезису, согласно которому доверие тесно связано с неравенством. Кроме того, была проведена оценка переменных, позволяющих описать уровень экономического развития страны, уровень образования, финансового развития, а также была проведена оценка демографической ситуации в стране,

уровня мобильности рынка труда, технического прогресса, а также политической стабильности страны.

Следующей работой является исследование [53], в котором на основе панельных данных по 50 штатам США за период с 1997 по 2015 год изучаются различия неравенства доходов населения США в зависимости от изобилия нефти, определяемого как добыча нефти по сравнению с зависимостью от ее потребления. Отметим, что изобилие ресурсов рассматривается как ахиллесова пята экономического развития стран, богатых ресурсами. После публикации фундаментальной работы [31], в нескольких исследованиях была выявлена отрицательная связь между изобилием природных ресурсов и такими факторами, как доход на душу населения [31], [54], уровень детской смертности [55], а также низкий уровень институционализации экономики [56].

В представленной работе отмечено, что непредвиденные доходы от добычи нефти позволят снизить неравенство по доходам. Однако по мере увеличения объемов добычи отрицательное влияние на неравенство будет постепенно снижаться. Кроме того, в данной работе отмечена закономерность, согласно которой даже богатые страны, такие как Соединенные Штаты, имеющие высокий уровень институционального развития, могут быть подвержены ресурсному проклятию (высокая степень неравенства доходов), если доходы от экспорта нефти не уменьшатся. Результаты представленного исследования также показывают, что страны-экспортеры нефти в большей степени подвержены неравенству доходов.

В представленной модели авторами были использованы следующие факторы: зависимой переменной в модели является коэффициент Джини, полученный на данных о неравенстве доходов на уровне штатов США в ценах 2009 года [57]. В качестве меры изобилия нефти были использованы объемы добычи сырой нефти в тысячах баррелей в день. Для проверки надежности были также использованы данные о доходах, собранные на основе данных по добыче нефти и газа, а также других полезных ископаемых, таких как уголь, фосфаты и иные разновидности горных пород. В свою очередь, доходы включают в себя различные виды выплат, арендную плату и роялти за земли коренных американцев, федеральные земли США и прибрежные районы в разбивке по календарному году. Для оценки зависимости страны от нефти в работе использован показатель совокупного потребления нефтепродуктов на тысячу баррелей в сутки. Кроме того, в работе использован вектор контрольных переменных, включающий реальный ВВП на душу населения; уровень образования, включающий в себя общее число выпускников колледжей, деленный на численность населения, а также качество развития институтов. Отметим, что авторами представленной работы были использованы модели с фиксированными эффектами. Выбор

данного метода был обусловлен получением наиболее эффективных оценок, поскольку представленный метод сводит к минимуму экономическую и статистическую эндогенность, учитывая допущения, связанные с не вошедшими в выборку странами и разницу во времени за счет индивидуальных специфических эффектов. В данной модели также учитывались надежные стандартные ошибки во избежание потенциального наличия гетероскедастичности и автокорреляции, что может привести к смещению полученных оценок и некорректным выводам, а также запаздывания, что позволило смоделировать задержку реакции неравенства доходов на изменения остальных переменных в течение рассматриваемого периода.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были получены следующие результаты:

1. Проведена количественная оценка взаимосвязи неравенства уровня доходов с объемами нефтедобычи и доходами от дальнейших торговых операций с нефтью. Проведенная оценка позволила выявить, что увеличение объемов нефтедобычи приводит к снижению уровня неравенства по доходам. В свою очередь, стандартное отклонение по нефтедобыче составило (2,06), что соответствует снижению коэффициента Джини на 0,006. Аналогичным образом, одно стандартное отклонение (3,65) для оценки увеличения полученных от нефти доходов снижает значение коэффициента Джини на 0,01. Отмечено, что представленные результаты согласуются с выводами материалами исследования [59], в котором был проведен анализ динамики коэффициента Джини, представленного в страновом разрезе, а также было выявлено, что изобилие нефти снижает неравенство доходов, за исключением стран с высоким уровнем нефтедобычи.

2. Представлена взаимосвязь неравенства уровня доходов и степени нефтяной зависимости исследуемых стран. Первоначальные результаты показали, что нефтяная зависимость снижает неравенство уровня доходов в штатах США, хотя основной коэффициент потребления нефти не является статистически значимым. При этом одно стандартное отклонение увеличения потребления нефти приводит к снижению коэффициента Джини на 0,01, в то время как одно стандартное отклонение (1,81) при оценке нефтяной зависимости снижает значение данного коэффициента на 0,009. Интерпретация представленных результатов сводится к тому, что страны – импортеры нефти зависимы от изменения нефтяных цен.

3. Оценка качества институционального развития стран на основе использования методики регрессионного анализа

Следующей работой является исследование [59], в котором основное внимание уделено взаимосвязи качества развития институтов шести постсоветских стран (Эстония,

Латвия, Литва, Беларусь, Россия и Украина) в период за 2002–2017 годы и неравенству уровня доходов. Отмечается также, что качественные изменения развития институтов связаны с растущим неравенством уровня доходов, но только в определенной степени. При увеличении качества развития происходит снижению неравенства уровня доходов. При этом увеличение качества развития институтов приводит к углублению неравенства доходов между самыми богатыми по сравнению с самыми бедными и средним классом, что объясняется качеством развития нормативно-правовой базы.

Таким образом, целью данного исследования является анализ влияния качества развития институтов на неравенство доходов и их распределение доходов в выбранных постсоветских странах. Автором представленной работы отмечается, что качество институциональной среды оказывает значительное влияние на динамику макроэкономических показателей страны [60], но влияние на неравенство доходов и распределение доходов обозначенной группы стран ранее не исследовалось. Для цели проводимого исследования в качестве метода исследования было выбрано использование методики регрессионного анализа, реализуемое на основе панельных данных, полученных из базы данных Всемирного банка.

Результаты проведенного в рамках настоящей работы регрессионного анализа показали наличие статистически значимой взаимосвязи между улучшением качества развития институтов и ростом неравенства доходов, что согласуется с выводом других исследователей по данной проблематике [8]. Увеличение неравенства доходов также наблюдается и по другим переменным, связанным с моделью, в частности, чистым инвестициям в государственные нефинансовые активы. В свою очередь расходы на образование снижают неравенство в доходах, что согласуется с материалами исследования [61].

Институциональное качество измеряется на основе использования данных Всемирного банка, набор которых определяется составом переменных, используемых ранее в работе [62]. Среди обозначенных переменных выделяют следующие: право голоса и подотчетность правительства; эффективность работы правительства; политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма; качество государственного регулирования; верховенство права и защита прав собственности; контроль над коррупцией. Арифметическое среднее этих компонентов составляет индекс качества государственного управления, принимая значения $[-2,5; 2,5]$, а также шесть компонентов.

Зависимой переменной в рамках представленной в работе модели, описывающей неравенство доходов, является коэффициент Джини. Основной объясняющей переменной является институциональное качество. Другими объясняющими переменными являются

годовые темпы роста реального ВВП, государственные расходы на образование, инвестиции в государственные нефинансовые активы, степень открытости экономики, исходя из соотношения объемов экспорта к ВВП, а также государственное потребление.

Таким образом, в ходе проведенного в рамках настоящей работы исследования были получены следующие результаты:

1. Проведена количественная оценка взаимосвязи институционального качества и неравенства уровня доходов исследуемых постсоветских стран за период с 2002 до 2017 годы, в которых в этот период был проведен целый ряд значимых экономических реформ, что позволило сформировать определенные модели экономического развития исследуемых стран. Так, страны Балтии выбрали «западный путь», включавший в себя демократизацию, повышение качества институционального устройства и, как следствие, улучшение результирующих значений макроэкономических индикаторов этой группы стран, представленное в динамической постановке. В свою очередь, Россия, Белорусия и Украина выбрали стратегию возврата к ценностям Советского Союза, что повлекло за собой относительно низкое институциональное качество, которое, однако, как в случае Белоруссии и Украины, не оказало существенного давления на растущее неравенство доходов. В свою очередь, в России в связи с недостаточным уровнем институционального развития наблюдается относительно высокий уровень неравенства доходов, который, в отличие от Эстонии, где коэффициент Джини изменился с 37,2 в 2003 до 30,4 в 2017 году, в аналогичный период изменился с 37,3 до 37,2 соответственно, что подтверждает тезис о постоянстве неравенства доходов в странах с экстрактивными институтами [63].

2. В качестве основных причин растущего неравенства доходов развитых стран были выделены технологические изменения и процесс глобализации [64], [65]. Кроме того, качество институциональной среды также может оказать существенное влияние на распределение богатства в обществе [66], что также подтверждается материалами настоящей работы.

3. Выявлено, что взаимосвязь между институциональным качеством и неравенством уровня доходов является разнонаправленной. Так, качество развития институциональной среды приводит к увеличению неравенства в доходах, но только до определенного момента времени. С определенного момента рост институционального качества стимулирует снижение неравенства доходов. Представленные отношения можно охарактеризовать как перевернутая U-образная кривая. Аналогичный вывод был сделан в исследовании [67], в котором были использованы бизнес-риски и экологические риски. Средние значения представленных рисков являются подкомпонентами основного индекса, оценивающего институциональное качество. Аналогичные результаты получены при

построении кривой Кузнеца или ее модификации [61]. Кроме того, в исследовании [67] утверждается, что растущее качество институциональной среды способствует росту уровня доходов наиболее обеспеченных слоев населения на ранней стадии проведения институциональной реформы. Через некоторое время лучшая институциональная среда начнет генерировать более равную среду. При этом институциональное качество как фактор, выделяющий наиболее обеспеченные слои населения по сравнению с другими социальными классами, согласуется с результатами исследования [5], что в России наиболее обеспеченные слои населения формируют экономические институты для их прибыли. Представленные выводы основаны на наблюдениях за трансформацией олигархии в период 1990-х годов. При этом некоторые тенденции, по-видимому, сохраняются. В частности, в настоящее время основной тенденцией в развитых странах является поляризация распределения доходов [68], вызванная поляризацией труда [69] и [70].

4. Комплексный подход к оценке качества развития институтов на основе использования совокупности экономико – математических методов и панельных моделей векторной авторегрессии

Заключительным исследованием, представленным в рамках данного раздела настоящего обзора литературы, является работа [71].

Теоретическая и практическая значимость представленной работы определены следующими положениями:

Во–первых, данная работа стала первым исследованием, в котором были объединены концепции управления ресурсами, институционального качества и экономической устойчивости, основанной на ресурсах.

Во–вторых, данное исследование включает в себя эмпирические данные, которые могут быть полезны ученым, политикам и практикам в проведении будущих исследований или проведении соответствующей государственной политики, направленной на обеспечение эффективного использования природных ресурсов.

В свою очередь, новизна представленной работы заключается в следующих положениях:

1. Введен в оборот и дано описание возможных составляющих элементов термина «ресурсная составляющая экономической устойчивости», в которое следует включить не только оценку влияния имеющихся в стране природных ресурсов на экономический рост, так называемый, экономический аспект, описанный в работе [72], а также социальный аспект, представленный в исследовании [73]. Также в представленном определении помимо экономического и социального должен быть учтен экологический

аспект, и все эти три обозначенных аспекта – экономический, социальный и экологический должны составлять единую совокупность, что придаст целостности данному определению, а также позволит расширить понимание экономической устойчивости в контексте реализации концепции устойчивого развития.

2. Представленная работа позволяет восполнить пробел в знаниях о взаимосвязи качества развития институтов в ресурсной составляющей экономической устойчивости, а также проанализировать посреднический эффект управления ресурсами с учетом обозначенной взаимосвязи.

Отметим, что открытие новых месторождений полезных ископаемых связано с ожиданиями достижения целевых показателей социально-экономического развития многих стран. При этом в представленных ранее исследованиях не была изучена взаимосвязь уровня доходов населения стран, добывающих и экспортирующих полезные ископаемые на основе использования концепции ресурсной составляющей экономической устойчивости.

Таким образом, в рамках представленной работы авторами были собраны панельные данные по 80 странам – экспортерам природных ресурсов за период с 2010 по 2017 годы из следующих источников: Всемирный банк, Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Центр социально-экономических данных и приложений (SEDAC) и Институт управления природными ресурсами (NRGI). После чего было проведено исследование влияния посреднического эффекта управления ресурсами на взаимосвязь качества развития институтов и ресурсной составляющей экономической устойчивости.

Результаты проведенного дисперсионного и апостериорного анализа ANOVA позволили выявить значительные различия в показателях качества развития институтов, ресурсной составляющей экономической устойчивости, а также посреднического эффекта управления ресурсами среди стран, имеющих различный уровень экономического развития. Отметим, что оценка была проведена в региональном и отраслевом разрезе для двух отраслей – горнодобывающая и нефтяная промышленность. Кроме того, модели панельных данных с фиксированными эффектами, оценка которых проводилась на основе использования МНК-оценок, подтвердили незначительное влияние качества развития институтов на ресурсную составляющую экономической устойчивости. Несмотря на относительно низкие количественные значения взаимосвязи исследуемых показателей, следует отметить значимость повышения качества развития институтов, что, в свою очередь, позволит расширить и более углубленно изучить аспекты ресурсной составляющей экономической устойчивости.

При исследовании уровня институционального развития нефтегазовой и горнодобывающих отраслей, являющихся основными отраслями, основанными на ресурсах, были использованы следующие переменные: темпы роста ВВП на душу населения, рассматриваемые, как экономические аспекты устойчивости; социальные аспекты устойчивости, измеряемые индексом человеческого развития (ИЧР); экологические аспекты устойчивости, измеряемые индексом экологической эффективности (EPI). Отмечено, что обозначенные компоненты были использованы для оценки экономической устойчивости любой страны.

Следующим комплексным показателем является способность эффективного использования доходов от природных ресурсов для повышения уровня благосостояния населения, а также как инструмента обеспечения охраны окружающей среды за счет минимизации загрязнения и деградации земель [4]. Таким образом, ресурсная составляющая экономической устойчивости, согласно материалам данного исследования, представляет собой среднее значение совокупности показателей, представленных в годовом разрезе:

1. Первым из них является индекс управления ресурсами, включающий в себя показатель ценности ресурсов, управление доходами, полученными от экспорта ресурсов, а также интегральный показатель благоприятной окружающей среды.

2. Следующим показателем является качество развития институтов, применяющееся в модели в качестве дополнительного или косвенного показателя, расчет которого проводился на основе шести параметров, представленных в работе [75]: контроль коррупции, эффективность деятельности правительства, политическая стабильность и качество государственного регулирования, индекс верховенства закона, а также индекс права голоса и подотчетности.

Таким образом, в ходе проведенного в рамках настоящей работы исследования были получены следующие результаты:

1. Представлены фиксированные эффекты посредничества в управлении ресурсами для оценки влияния взаимосвязи качества развития институтов и ресурсной составляющей экономической устойчивости. В связи с необходимостью проведения оценок обозначенной взаимосвязи авторами настоящей работы было представлено пять моделей. В рамках первой модели (Модель-1), являющейся базовой, была включена только переменная управления. Проведенное на данном этапе исследование позволило выявить, что прямые иностранные инвестиции оказывают статистически значимое положительное влияние на экономическую устойчивость, основанную на ресурсах.

2. Согласно материалам проведенных ранее исследований [75], было проанализировано влияние независимой переменной и переменной-посредника на зависимую переменную. Так, целью проведенного в рамках Моделей – 2 и 4 анализа стала оценка влияния независимой переменной (институциональное качество) на зависимую переменную (экономическая устойчивость, основанная на ресурсах) и связанную с ней переменную (управление ресурсами) соответственно. В рамках Модели-3 представлен анализ критериев и предпосылок влияния опосредующей переменной на зависимую переменную. В рамках Модели-5 было проанализировано влияние обеих переменных (независимой и опосредующей) на зависимую переменную. Таким образом, все дальнейшие выводы представленного исследования планируется посвятить количественной оценке влияния и взаимосвязи исследуемых показателей.

3. Определен тип посредничества, а также проведено сравнение величины и направления полученных оценок. Так, результаты Модели-2 свидетельствуют, что институциональное качество имело слабое (на уровне 10%) статистически значимое положительное влияние на устойчивость ресурсо-ориентированной экономики, что соответствует представленным ранее тезисам о слабом влиянии качества развития институтов на обеспечение экономической устойчивости, основанной на ресурсах. В свою очередь, результаты, полученные для Модели-4 выявили сильное (на уровне 5%) статистически значимое влияние качества развития институтов на управление ресурсами.

4. Результаты, полученные для Модели-3, показали слабый (на уровне 10%) положительный эффект влияния управления ресурсами на ресурсную экономику. В свою очередь, Модель-5 использовалась для изучения влияния посреднических эффектов управления ресурсами на взаимосвязь качества развития институтов и ресурсной составляющей экономической устойчивости.

5. Полученные результаты свидетельствуют об увеличении влияния управления ресурсами на ресурсную составляющую экономической устойчивости в пределах от 0,122 (как отдельного предиктора в Модели-3) до 0,136 (в Модели-5, являющейся моделью медиации). Полученные в рамках Модели-5 результаты объясняются исчезновением эффекта институционального качества в рамках данной модели, в отличие от Модели-2, которая предполагает, что его эффекты действуют через ресурс управления [75]. Кроме того, полученные на основе проведения регрессионного анализа результаты для 2013 и 2017 года подтвердили представленные выше выводы. Отмечено, что в сравнении оцениваемых в модели величин было выявлено, что посреднический эффект в 2013 году по сравнению с 2017 годом оказался примерно на 5% выше.

Заключение

В заключительной части данного обзора литературы на основании результатов представленных исследований нами были сформулированы следующие закономерности и особенности неравенства уровня доходов в странах, зависимых от экспорта нефти и имеющих недостаточно высокое качество институционального развития:

1. Доказана двунаправленная причинно-следственную связь уровня институционализации экономики и показателей неравенства уровня доходов, а также проведена количественная оценка обозначенной взаимосвязи, которая подтвердила, что вклад уровня институционализации в исследуемую линейную зависимость составляет 33%, вклад неравенства в причинность уровня институционализации экономики составляет 55%. Также отмечено, что представленное соотношение может определенным образом варьироваться, в частности, вклад институционализации в причинность неравенства для развитых стран может составить около 25%, в то время как вклад уровня институционализации в причинность неравенства доходов при оценке общей линейной зависимости составит примерно 64%. Аналогичные результаты были получены и для развивающихся стран: вклад институционализации в причинно-следственную связь неравенства доходов в общей линейной зависимости в этом случае составит 33%, а вклад причинности в неравенство уровня доходов – 58% соответственно.

2. Выявлено, что экономический рост и неравенство уровня доходов могут служить составными элементами определения уровня институционального развития страны при использовании соответствующих инструментальных методов, основе использования инструментальных методов, которые позволяют фиксировать потенциальные проблемы эндогенности.

3. Выявлены закономерности, связанные с характером формирования показателей неравенства и экономического роста, которые представляют собой сводные статистические данные, полученные на основе оценки динамики распределения доходов, представленных, как в страновом разрезе, так и с учетом выбранного исследовательского интервала, достигая наибольших значений при определении уровня доходов в долгосрочном периоде. В этом случае неравенство будет также относительно инвариантно по времени. Также отмечается, что наличие в стране институтов, препятствующих функционированию формального сектора, ограничивающих доступ населения к возможностям, связанным с кредитованием, получением доступа к образованию медицинским услугам, приводит к росту неравенства по доходам при снижении темпов экономического роста. Следующим выявленным отличием является наличие

внутристрановых различий развития институтов, связанных с проводимой в стране государственной политикой, а не изменениями, происходящим в институциональной среде.

4. Рассчитано, что увеличение на 1% показателя участия в голосовании оценивается как замедление темпов роста ВВП на душу населения примерно на 0,6% в год, что подтверждается ростом индекса демократизации и, следовательно, изменением структуры политической власти в пользу бедных за счет увеличения относительного спроса на неторгуемые товары по отношению к торгуемым товарам, что не только повышает уровень неравенства доходов, но и снижает темпы роста ВВП на душу населения.

5. Проведенная количественная оценка взаимосвязи неравенства уровня доходов с объемами нефтедобычи и доходами от дальнейших торговых операций с нефтью позволила выявить, что увеличение объемов нефтедобычи приводит к снижению уровня неравенства доходов. При этом стандартное отклонение по объемам нефтедобычи составило (2,06), что соответствует снижению коэффициента Джини на 0,006. Аналогичным образом, одно стандартное отклонение (3,65) для оценки увеличения полученных от нефти доходов снижает значение данного коэффициента на 0,01.

6. Представлена взаимосвязь неравенства уровня доходов и степени ресурсной зависимости стран и проведена ее количественная оценка, которая показала, что одно стандартное отклонение увеличения потребления нефти приводит к снижению коэффициента Джини на 0,01, в то время как одно стандартное отклонение (1,81) при оценке нефтяной зависимости снижает значение данного коэффициента на 0,009. И Интерпретация представленных результатов сводится к тому, что страны – импортеры нефти зависимы от изменения нефтяных цен, а, значит, уровень доходов нефтедобывающих стран коррелирует с ценами на энергоносители.

7. Доказано, что значимым показателем, определяющим рост ВВП, является логарифм ВВП на душу населения, подтверждающий гипотезу, согласно которой страны с низким уровнем доходов имеют тенденцию к более высоким темпам экономического роста, по сравнению с более обеспеченными странами, при наличии также других объясняющих фиксированных переменных.

Список использованной литературы:

1. International Labour Conference, 109th Session // International Labour Conference, 109th Session. Geneva. 2021. Vol. Report IV (Fourth item on the agenda).
2. Simon Kuznets. Economic Growth and Income Inequality // The American Economic Review. March 1955. Vol. 1. No. 45. pp. 1-28.

3. Alberto Chong, Mark Gradstein. Inequality and institutions // Inter-American Development Bank. Research Department Working Papers. April 2004. No. 506.
4. Stiglitz J.E. Capital-Market Liberalization, Globalization, and the IMF//Oxford Review of Economic Policy, 2004. pp. 57-71.
5. Sonin K. Why the Rich May Prefer Poor Protection of Property Rights // Journal of Comparative Economics. 2003. No. 31. pp. 715-731.
6. Engerman S., Sokoloff K. Factor Endowments, Institutions, and Differential Paths of Growth among New World Economies: A View from Economic Historians of the United States // In: Economic Growth and Latin American Economic Historiography. Cambridge: MIT Press, 1997.
7. Engerman S.L., Sokoloff K.L. Factor Endowments, Inequality, and Paths of Development among New World Economies // NBER Working Paper. Cambridge, United States: National Bureau of Economic Research. 2002. No. 9259.
8. Chong A., Calderón C. Institutional Quality and Income Distribution// Economic Development and Cultural Change, No. 48, 2000. pp. 761-786.
9. Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. Does Corruption Affect Income Inequality and Poverty? // Economics of Governance. 2002. Vol. 1. No. 3. pp. 23-45.
10. Deininger K., Squire L.. A New Data Set Measuring Income Inequality. // World Bank Economic Review. 1996. Vol. 3. No. 10. pp. 565-591.
11. Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Governance Matters III: Governance Indicators for 1996-2002 // World Bank Policy Research. Washington, DC, United States: World Bank. 2003. Working Paper 3106.
12. Chong A., Calderón C. Causality and Feedback between Institutional Measures and Economic Growth// Economics and Politics. No. 12 a. pp. 69-82. 2000.
13. Knack S., Keefer P, "Institutions and Economic Performance: Cross-Country Tests Using Alternative Institutional Measures," *Economics and Politics*, No. 7, 1995. pp. 207-227.
14. Hall R., Jones C. Why Do Some Countries Produce So Much More Output per Worker than Others? // Quarterly Journal of Economics. 1999. No. 114. pp. 83-116.
15. Lewis Davis, Mark Hopkins. The Institutional Foundations of Inequality and Growth // The Journal of Development Studies. 2011. Vol. 7. No. 47. pp. 977-997.
16. Barro Robert J. Economic Growth in a Cross Section of Countries // Quarterly Journal of Economics. May 1991. Vol. 2. No. 106. pp. 407-443.
17. Partridge Mark D. Is Inequality Harmful for Growth? A Comment// American Economic Review. 1998.
18. Persson Torsten, Guido Tabellini. Is Inequality Harmful for Growth? // American Economic Review. June 1994. Vol. 3. No. 84. pp. 600-621.

19. Forbes Kristin J. A Reassessment of the Relationship between Inequality and Growth // *American Economic Review*. September 2000. Vol. 4. No. 90. pp. 869-87.
20. Hausman Jerry A., William E. Taylor. Panel Data and Unobservable Individual Effects // *Journal of Econometrics*. May 1981. Vol. 1. No. 16. P. 155.
21. Davis Lewis S. Growth and Inequality Theory. mimeo ed. 2006.
22. Barro Robert J., Jong-What Lee. International Data on Educational Attainment Updates and Implications. // National Bureau of Economic Research. 2000. No. Inc, NBER Working Papers: 7911.
23. Michael T. Owyang, Hannah Shell.
<https://www.stlouisfed.org/publications/regional-economist/april-2016/measuring-trends-in-income-inequality?print=true#authorbox> // Measuring Trends in Income Inequality. 2016. URL: <https://www.stlouisfed.org/publications/regional-economist/april-2016/> (дата обращения: 16.November.2022).
24. Arsham Reisinezhad. Economic Growth and Income Inequality in Resource Countries: Theory and Evidence. 0170797601707976th ed. 2018. Preprint submitted on 13 Feb 2018.
25. Frankel J. A. The natural resource curse: a survey. Technical report. National Bureau of Economic Research, 2010.
26. Sachs J. D., Warner A. M. Natural resource abundance and economic growth. Technical report. National Bureau of Economic Research ed. 2010.
27. Boyce J. K., Ndikumana L. Capital flight from sub-saharan african countries: Updated estimates, 1970-2010 // PERI Working Papers. 2012.
28. Rodriguez F., Sachs J. D. Why do resource-abundant economies grow more slowly? // *Journal of Economic Growth*. 1999. Vol. 3. No. 4. pp. 277–303.
29. Gylfason T., Herbertsson T.T., Zoega G. A mixed blessing // *Macroeconomic dynamics*. 1999. Vol. 2. No. 3. pp. 204-225.
30. Bourguignon F., Morrisson C. Income distribution, development and foreign trade: A cross-sectional analysis // *European Economic Review*. 1990. Vol. 6. No. 34. pp. 1113–1132.
31. Gylfason T., Zoega G. Inequality and economic growth: Do natural resources matter? // *Inequality and growth: Theory and policy implications*. 2002. No. 1 (255).
32. Goderis B., Malone S.W. Natural resource booms and inequality: theory and evidence // *The Scandinavian Journal of Economics*. 2011. Vol. 2. No. 113. pp. 388-417.
33. Van der Ploeg F., Venables A. J. Absorbing a windfall of foreign exchange: Dutch disease dynamics // *Journal of Development Economics*. 2013. No. 103. pp. 229–243.

34. Eric W.T. Ngai, Vincent C.S. Heung, Wong Y.H., Fanny K.Y. Chan. Consumer complaint behaviour of Asians and non-Asians about hotel services: An empirical analysis // *European Journal of Marketing*. November 2007. Vol. 41. No. 11/12. pp. 1375-1391.
35. Daron Acemoglu, Veronica Guerrieri. Capital Deepening and Nonbalanced Economic Growth // *Journal of Political Economy*. 2008. Vol. 3. No. 116.
36. Gregorio J. D., Lee J.-W. Education and income inequality: new evidence from cross-country data // *Review of income and wealth*. 2002. Vol. 3. No. 48. pp. 395–416.
37. López H. Macroeconomics and inequality. Washington DC: The World Bank Processed, 2003. 9 pp.
38. Levy S. Public investment to reverse dutch disease: the case of chad // *Journal of African Economies*. 2007. Vol. 3. No. 16. pp. 439–484.
39. Bond S., Leblebiciocolu A., Schiantarelli F. Capital accumulation and growth: a new look at the empirical evidence // *Journal of Applied Econometrics*. 2010. Vol. 7. No. 25. pp. 1073-1099.
40. Christopher A. Hartwell, Roman Horvath, Eva Horvathova, Olga Popova. Democratic Institutions, Natural Resources, and Income Inequality // *Comparative Economic Studies*. July 2019. Vol. 61. No. 490.
41. Sachs J., Warner, A. The Curse of Natural Resources // *European Economic Review*. 2001. No. 45. pp. 827-838.
42. Christa Brunnschweiler, Erwin Bulte. The resource curse revisited and revised: A tale of paradoxes and red herrings // *Journal of Environmental Economics and Management*. 2008. Vol. 3. No. 55. pp. 248-264.
43. Frederick Van der Ploeg. Natural Resources: Curse or Blessing? // *Journal of Economic Literature*. June 2011. Vol. 2. No. 49. pp. 366-420.
44. Edward Leamer, Hugo Maul, Sergio Rodriguez, Peter Schott. Does natural resource abundance increase Latin American income inequality? // *Journal of Development Economics*. 1999. Vol. 1. No. 59. pp. 3-42.
45. Auty R.M. *Resource Abundance and Economic Development*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
46. Bhattacharyya Sambit, Hodler Roland. Natural resources, democracy and corruption // *European Economic Review*. Elsevier. May 2010. Vol. 4. No. 54. pp. 608-621.
47. James A. Robinson, Ragnar Torvik, Thierry Verdier. Political foundations of the resource curse // *Journal of Development Economics*. 2006. No. 79. pp. 447 – 468.

48. Erwin Bulte, Richard Damania. Resources for Sale: Corruption, Democracy and the Natural Resource Curse. 15380645th ed. // In: Contributions in Economic Analysis & Policy. Published by Berkeley Electronic Press, 2008.
49. Carles Boix. Democracy and Redistribution. Princeton University ed. Cambridge University Press. ISBN: 0521825601, 2003.
50. Antonio Cabrales, Esther Hauk. The Quality of Political Institutions and the Curse of Natural Resources // The Economic Journal. November 2010. Vol. 551. No. 121. pp. 58-88.
51. Gilles Saint Paul, Thierry Verdier. Inequality, redistribution and growth: A challenge to the conventional political economy approach // European Economic Review. 1996. Vol. 3-5. No. 40. pp. 719-728.
52. Eric M. Uslaner. Trust, Diversity, and Segregation. Uslaner, Eric M., Trust, Diversity, and Segregation (December 15, 2009). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1523721> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1523721>.
53. Edmond Berisha, Carolyn Chisadza, Matthew Clance, Rangan Gupta. Income Inequality and Oil Resources: Panel Evidence from the United States // University of Pretoria. Department of Economics Working Paper Series. November 2020. No. Working Paper 2020-103.
54. Rabah Arezki, Frederick (Rick) van der Ploeg. Trade policies, institutions and the natural resource curse // Applied Economics Letters. October 2010. Vol. 15. No. 17. pp. 1443-1451.
55. Vittorio Daniele. Natural Resources and the 'Quality' of Economic Development // Journal of Development Studies. 2011. Vol. 4. No. 47. pp. 545-573.
56. Kjetil Bjorvatn, Alireza Naghavi. Rent seeking and regime stability in rentier states // European Journal of Political Economy. 2011. Vol. 4. No. 27. pp. 740-748.
57. Mark W. Frank. Inequality and growth in the United States: evidence from a new state-level panel of income inequality measures // Economic Inquiry. 2009. Vol. 1. No. 47.
58. Dong-Hyeon Kim, Shu-Chin Lin. Oil Abundance and Income Inequality // Environmental & Resource Economics. 2018. Vol. 4 (1). No. 71.
59. Radek Náplava. Institutional Quality and Income Inequality: Evidence from Post-Soviet Countries // European Journal of Business Science and Technology. 2020. Vol. 2. No. 6. pp. 100-112.
60. Radek Náplava, Luděk Kouba. The importance of governance quality for economic growth in Post-Soviet Countries // Acta academica karviniensia. 2017. Vol. 1. No. 17. pp. 65-75 .

61. Daron Acemoglu, James A. Robinson. Why Did the West Extend the Franchise? Democracy, Inequality, and Growth in Historical Perspective // *The Quarterly Journal of Economics*. November 2000. Vol. 4. No. 115. pp. 1167-1199.
62. Aart Kraay, Daniel Kaufmann. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues // *Hague Journal on the Rule of Law*. January 2010. Vol. 2. No. 3.
63. Dobre I., Jianu I., Bodislav D.A., Rădulescu C.V., Burlacu S. The Implications of Institutional Specificities on the Income Inequalities Drivers in European Union // *Economic Computation and Economic Cybernetics Studies and Research*. 2019. Vol. 2. No. 53. pp. 59–76.
64. Henrik Braconier. Determinants of Tertiary // *OECD Economics Department Working Papers*. March 2015. No. №1138.
65. Era Dabla-Norris, Yan Ji, Robert Townsend, D. Filiz Unsal. Identifying Constraints to Financial Inclusion and Their Impact on GDP and Inequality: A Structural Framework for Policy // *IMF Working Paper Strategy, Policy, and Review Department*. January 2015. No. WP/15/22.
66. Daron Acemoglu, James A. Robinson. The Political Economy of the Kuznets Curve // *Review of Development Economics*. December 2002. Vol. 2. No. 6. pp. 183-203.
67. Cesar A. Calderon, Alberto Chong. Institutional Quality and Income Distribution // *Economic Development and Cultural Change*. February 2000. Vol. 4. No. 48. pp. 761-786.
68. Era Dabla-Norris, Kalpana Kochhar, Nujin Suphaphiphat, Frantisek Ricka, Evridiki Tsounta. Causes and Consequences of Income Inequality: A Global Perspective // *Causes and consequence of inequality*. International Monetary Fund. Strategy, Policy, and Review Department. June 2015.
69. Maarten Goos, Alan Manning, Anna Salomons. Job Polarization in Europe // *American Economic Review*. May 2009. Vol. 2. No. 99. pp. 58-63.
70. Acemoglu D., Autor D. Skills, Tasks and Technologies: Implications for Employment and Earnings. In *Handbook of Labor Economics* // *Handbook of Labor Economics*. June 2010. No. 4.
71. Jonathan Mukiza, Peter Kansheba, Mutaju Isack Marobhe. Institutional quality and resource-based economic sustainability: the mediation effects of resource governance // *SN Business & Economics*. 2022. No. 2. pp. 1-24.
72. Xue Y, Zhang J, Yun L. China Manag Sci // *Study on the spatial agglomeration of resources industry, extraction of conductive elements and the mediation effect of resource curse*. 2019. Vol. 6. pp. 179–190.

73. Erwin Bulte, Richard Damania, Robert T. Deacon. Resource Intensity, Institutions, and Development // World Development. July 2005. Vol. 7. No. 33. pp. 1029-1044.
74. Daniel Kaufmann, Aart Kraay, Massimo Mastruzzi. Growth and Governance: A Reply//Journal of Politics.Vol. 2. No. 69, April 2007. pp. 555-562.
75. Zhao X., Lynch J., Chen Q. Reconsidering Baron and Kenny: myths and truth about mediation analysis//The Journal of Consumer Research. Vol. 2. No. 37. August 2010. pp. 197-206.
76. Tomas Havranek, Roman Horvath, Ayaz Zeynalov. Natural Resources and Economic Growth: A Meta-Analysis // World Development. 2016. Vol. C. No. 88. pp. 134-151.